

ке девушки (с богом воды, царем подводного мира). Обрядовое утопление предполагало вступление в брак через смерть. Осмысление роли загробного мира, отраженного в песнях, приводит к выводу о вере наших предков в целительную плодоносящую силу потустороннего мира, для поддержания которой приносились жертвы (козы и др.).

4. В обряде "Вождение Луки" использовался ритуальный смех, который наделялся магической силой, способствующей возрождению умершего животного и растительного мира, приходу нового на смену старому.

5. Хореографический знак, которым обозначается символ обряда, отражает последовательность движения хоровода и имеет связь с ромбовидным символом плодородного женского начала. Рассматривается и крестообразный символ, отражающий представления о четырех сторонах света и воплощающий разный смысл в зависимости от эпох: от знака беды и печали до знака счастья и возрождения. Этот же знак символизировал бесконечность жизни.

6. Лучевой символ основывается на вертикальной линии, воплощающей элементы, активно действующие в мире как мужское начало. Горизонтальная линия противопоставляется вертикальной, лучевой, отражает поверхность земли (земля - женское начало), податливость, пассивность, покой.

Все эти положения освещаются в выступлении путем анализа белорусских песен, входящих в обряд "Вождение Луки", а также путем осмысления определенных обрядовых действий.

Дзибель Г. В. (Санкт-Петербург)

РЕДЕДЯ - УОРЭДЭД - УРЕДЕВ

Триада, обозначенная в заглавии, восходит к примечательному историческому факту - поединку удельного князя Тмутаракани Мстислава Удалого, младшего сына Владимира Святого, с "касожским" князем Редедей. Согласно "Повести временных лет", в 1022 г. Мстислав пошел войной на касогов (адыгов) и, одолев в единоборстве Редедю, подчинил себе подвластную Редее адыгейскую общность. Смерть Редеди способствовала выходу Киевского государства на Кавказ и включение в систему его политических связей коренных этнических групп северо-кавказского региона (А. В. Гадло).

Примечательна история жизни Редеди до трагической кончины. В родословных кабардинских князей имя Редедя не значится. Ш.-Б. Ногмов приводит текст кабардинского предания, в котором поход князя Идара в Тамгаракайское (читай: Тмутараканское) княжество заканчивается гибелью богатыря Редеди, и отмечает, что современники прославляли последнего песней: "Оу, Ридаде махо", т. е. "О, Редедя, многосчастливый". Предпринятые впоследствии попытки Л. Г. Лопатинского разыскать следы Редеди на Кавказе не увенчались успехом. Ему было сообщено всего одно предание,

озаглавленное "Редедя", которое описывает поединок женщины-богатырши, переодетой в мужское платье, с татарским силачом. Легко одолев соперника, богатырша освободила кабардинцев от ига. В ее честь с тех пор на свадьбе поют тот же припев "Оу, Ридаде махо". Этим исчерпываются сведения о Редее на Кавказе.

Устанавливаемая Ногмовым и Лопатинским связь между Редедей и свадебным припевом "ридаде" (также в формах редаде, уорэддед), переводит образ адыгского богатыря из исторической мифоритуальную плоскость. Именно здесь, по нашему мнению, следует искать следы Редеди, выявляя глубинную подоплеку этого образа и связанных с ним событий (как исторических, так и фольклорных). Н. С. Трубецкой ставил под сомнение возможность сопоставления имени легендарного персонажа с припевом, мотивируя это несоответствием его трагической судьбы и эпитета "многосчастливый". Между тем этот факт получает объяснение, если видеть в Редее воплощение представлений об умирающем и воскресающем герое. Вспомним, что славянский Макар, этимологизируемый как "счастливым", "блаженный", олицетворяет собой младшего сына Громовержца в контексте основного мифа (В. Н. Топоров). По-видимому, не случайно, что Редедя был убит ножом, хотя по уговору спор между ним и Мстиславом должен был быть решен борьбой. Такая же смерть постигла и библейского Авеля, связь которого с образом умирающего и воскресающего героя вряд ли может быть оспорена.

Г. Турчаниновым было обнаружено кабардинское предание о богатырше Ляшин, сюжетно и текстуально сходное с преданием, сообщенным Лопатинскому. Если Редедя персонаж загадочный, то Ляшин хорошо известна по нартовскому эпосу. На этом основании Турчанинов выдвинул предположение об искусственном характере варианта Лопатинского. Свадебный припев "ридаде", по его мнению, не имеет ничего общего с Редедей, а восходит к кабардинскому "уэрэд" - песня. По Турчанинову, имя легендарного персонажа не может быть связано с песней. В этой связи хотелось бы обратить внимание на типологически сходную ситуацию: славянский колыбельный припев "баю, баюшки" - "баяти" - говорить - летописный певец Баян. Помимо этого известно, что припев "уряди, лид ладо, уряди", "орадый", "да Редедя", "ой ре-ди-ди", "уреди", "урей" встречался в свадебных песнях русских (Сахаров, Шейн, Гуляев, Марков и др.) и алтайцев. Что касается близости преданий о Редее и Ляшин, то ее можно объяснить через идею травестизма - широко распространенного в традиционной культуре явления. Не будет противоречить этому и другое предположение: Редедя и Ляшин как божественная супружеская пара (ср. представления русских Южной Сибири о том, что Лада - жена Редеди; причем имя Лада может выступать в качестве безличного припева "ладу", "ладушки").

Наконец, в круг этих явлений можно включить, на мой взгляд, и мордовскую дружку - уредева. Интерпретация этого слова как

"добыватель рабы" вовсе не исключает более глубоких семантических мотивировок. Мордовский и северо-кавказский свадебные обряды обнаруживают много сходных черт. Например, обычай возвращения молодой в дом родителей после свадьбы или обычай скрывания жениха и невесты. Эти нормы также можно интерпретировать в контексте идеи о смерти-воскрешении. В традиционной мордовской свадьбе жених обрекает себя на временную смерть, уходя перед отъездом поезжан к кому-нибудь из родственников, Его ритуальным заменителем становится уредев. Сферой его деятельности является все пространство свадьбы, за исключением дома жениха. Мотив временной смерти просматривается и в обычае возвращения домой. Например, у осетин известно предание, в котором героиня после гибели двух братьев-соперников уходит с ребенком к родителям. В связь с этим можно поставить широко известный в мировом фольклоре мотив чудесного рождения.

В заключении хотелось бы обратить внимание на возможное родство Редеди с малоизвестным персонажем русских былин Рахтой, которого уподобляют одному из богатырей князя Владимира Рагдаю (В. Миллер) и даже Илье Муромцу (Н. Квашнин-Самарин), и на вероятную связь имени "Редедя" с анаграмматическими структурами и звуковым символизмом (ср. в радзивилловском своде вариант "Дередя"), получившими в литературе широкое освещение.

Родионов М. А. (Санкт-Петербург)

ЖИВЫЕ СТИХИ О СМЕРТИ ИЗ ВАДИ ХАДРАМАУТ

Живая поэтическая традиция, которую я изучал в 1983-1991 гг. на юге Йемена (Вади Хадрамаут) непосредственно, в записи и по немногим работам предшественников, дает материал для размышлений о том, как здесь трактуется тема смерти. В стихах, сложенных на разговорном языке (литературная письменная традиция не рассматривается), нередки упоминания о смерти, но они обычно скупы и/или, как в жанре элегий-риса, чрезвычайно конкретны, поэтому воссоздаваемая картина поневоле отрывочна и незавершена.

Поэтическая традиция Вади Хадрамаут ограничена временем (редко декламируются стихи, которым более трех веков) и местом. Среди немногих исключений - классический экспромт ал-Мутанабби (X в.), сочиненный им на соколиной охоте - "Вслед за птицами устремляются их судьбы", концовка которого "Все м назначен день смерти, хоть на лучшее мы надеемся в мечтах", стала пословицей. Ощущение предопределенности смерти и судьбы связано в доисламской Аравии с богиней Манат (названной вместе с ал-Лат и ал-Уззой "небесными птицами" в отмененных айатах Корана) и в наши дни соответствует мировосприятию хадрамитских поэтов.

Для них смерть это - Мать погибели (Умм ас-самармар), поражающая людей, будто баранов, между гортанью и шейной веной (байн ал-ханаджир ва-л-варид), как у поэта Бубешра; кружащаяся

у них в горле (фи-л-гургур), как Хумаида ибн ал-Мансура; собирающая жатву (маусим), как у Бу Салиха:

Жатва случилась в ал-Хадире и каждая мера земли удвоилась. И вкусили смерти бин хайдур и ал-алави.

Жатва была хороша, и они выполнили долговые обязательства. После убытков каждый стал с прибылью.

Пахали и жали на земле быстро, как смерч.

Хтонический характер древних представлений о судьбе/жизни и смерти/плодородии приведенный отрывок включает в смысловую цепочку: страда - судьба - долги - смерть - прибыль (мертвыми). Жатва следует за пахотой с быстротой смерча - Божьего гнева.

О смерти часто упоминают замили (племенные песни-кличи), призванные восславить племя и запугать его врагов:

Мы - лахлаки, мы - смерть Азраила...

Суровый ангел смерти 'Изра'ил ('Азра'ил), вырвавший у земли глину, из которой Аллах затем сотворил Адама, отделяет душу от тела человека, когда с Древа у Божьего престола падает лист с именем покойного (о растительности в загробных представлениях арабов см. у И. Н. Винникова). Подчиненные 'Изра'илу ангелы Мункар и Накир вершат малый суд над умершим, после чего могила становится либо лугом в Рай, либо ямой в Ад. Между смертью и Великим судом находится промежуточная преграда (барзах). В это время тела томятся в могилах, души верующих вознесены на небеса, а души неверующих, согласно общеисламским представлениям, заключены в колодце Барахут, что в Хадрамауте, близ святилища пророка Худа.

Во второй части самого топонима Хадрамаут (разг. Хадрамот) народная традиция видит корень "мвт" - смерть; в стихах обычные соответствующие созвучия (Хадрамот - ба йамут, и т. д.). Однако несмотря на то, что Хадрамаут лежит в самом центре исламских представлений о существовании после смерти, темы бессмертия, воскрешения, Великого суда, той жизни (ал-ахира) чрезвычайно редки в местной традиции. Создается впечатление, что народным стихотворцам Вади Хадрамаут ближе трезвое бедуинское мировидение, всецело поглощенное реалиями сей жизни и не склонное к рассуждениям о том, что ждет нас за ее пределом.

Коновалов А. В. (Санкт-Петербург)

ЖИВЫЕ И ПОКОЙНЫЙ В ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТИ КАЗАХОВ

Сообщение основано на полевых материалах автора, собранных у казахов Горного Алтая, Узбекистана, Туркменистана.

Традиционно обывальщики покойного должны составлять нечетное число, поскольку нечет, как правило (например, в гаданиях), рассматривается в качестве положительной ситуации. Однако реально обмывает труп четное количество людей, так как в нечетный состав участвующих в обряде включается и сам умерший. Аналогичной представляется ситуация при переносе тела и опускании в мо-

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ
РЕЛИГИИ

ЖИЗНЬ. СМЕРТЬ. БЕССМЕРТИЕ.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПРОВЕДЕННОЙ В ДЕКАБРЕ 1993 ГОДА
В Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫМ МУЗЕЕМ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

САНКТ — ПЕТЕРБУРГ

1993